

УДК 342.7:004.7
ББК 67.400.3+60.033

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. А. Филимонова, Л. Р. Ф. Фадль

Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Рассмотрена эволюция прав человека в условиях цифровой трансформации общества. На основе критического обзора российских научных подходов выявляется отсутствие консенсуса относительно состава и критериев выделения таких прав. Предлагается и обосновывается критерий их разграничения, основанный на том, что цифровые права формируют уникальные общественные отношения, возможные исключительно в виртуальной среде. Отдельное внимание уделяется правовым проблемам, связанным с реализацией этих прав, и явлению цифрового разрыва. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления цифровых прав как самостоятельного элемента публично-правового статуса личности и комплексных государственных мер для преодоления цифрового разрыва.

Ключевые слова: права человека, цифровое общество, цифровая трансформация общества, цифровые права, цифровой разрыв, публично-правовой статус личности, цифровая среда

THE EVOLUTION OF HUMAN RIGHTS IN A DIGITAL SOCIETY

E. A. Filimonova, L. R. F. Fadl

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

This article examines the evolution of human rights in the context of the digital transformation of society. A critical review of Russian academic approaches reveals a lack of consensus regarding the composition and criteria for defining these rights. A criterion for distinguishing them is proposed and substantiated, based on the premise that digital rights shape unique social relations that are possible only in a virtual environment. Particular attention is given to the legal challenges associated with the implementation of these rights and the phenomenon of the digital divide. It concludes that digital rights need to be legally enshrined as an independent element of an individual's public legal status and that comprehensive government measures are needed to bridge the digital divide.

Keywords: human rights, digital transformation of society, digital rights, digital divide, public legal status of the individual, digital environment

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)2.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)2.3)

Сущность прав человека как правового феномена не вызывает серьезных разногласий в научной среде. Становление этой публично-правовой доктрины носит исторический характер и напрямую связано с ключевыми глобальными процессами и кризисами. Однако ее реализация происходит на двух разных уровнях: на международном — как общая система принципов, а на внутригосударственном — преимущественно через конкретный набор конституционных прав, который меняется от страны к стране и от эпохи к эпохе.

Л. С. Мамут обосновал подход к правам человека, который можно выразить формулой «права приобретаются». Эта позиция является прямой критикой пассивных концепций, где права предстают как дар (от высших сил, государства), врожденное свойство или нечто, автоматически внедряемое в человека социальной средой. Ученый настаивает, что индивид становится обладателем права исключительно через акт его приобретения, тем самым подчеркивая активную, деятельную природу правового статуса [1].

Критикуя конструкцию «права приобретаются», можно отметить ее содержательную бедность: приобрести можно лишь то, что уже существует, что оставляет открытым главный вопрос — об источнике этого существования. Эта конструкция работает в рамках Гражданского кодекса, но не объясняет и не может объяснить генезис прав человека. Фактически на столь шаткой основе и строится в российской науке доктрина неотчуждаемых прав. Неслучайно Н. И. Матузов отмечает, что «тезис о естественном и самостоятельном характере прав человека в современной юридической литературе является общепризнанным» [2].

Эволюция прав человека систематизирована в теории поколений прав. Данная модель фиксирует ключевые этапы их институционализации: исходный акцент на свободы личности (1-е поколение), последующее признание социальных гарантий (2-е поколение) и современный этап, характеризующийся утверждением коллективных прав (3-е поколение). Подобная периодизация позволяет проследить, как исторический контекст, технологический прогресс и изменение общественных ценностей формируют новые правовые требования и стандарты.

Эта динамика не завершена: выдвигаются идеи о четвертом (информационном) и дальнейших поколениях. Оставляя в стороне дискуссию о классификации, принципиально важно подчеркнуть сам факт постоянного развития института прав. Именно способность к изменению и расширению составляет его сущностную, неотъемлемую характеристику.

Согласно позиции академика В. С. Степина, генезис прав человека связан с особенностями технологической цивилизации. Его ключевой чертой является ориентация на непрерывный поиск и внедрение новых технологий — не только в производстве, но и в сфере социального управления и коммуникаций. Именно в этом контексте формируется высокая ценность креативной, преобразующей деятельности, что принципиально отличает техногенную культуру от традиционных обществ, стремящихся скорее к адаптации к среде, нежели к ее активному изменению. Поэтому, как отмечал В. С. Степин, «идея прав человека была основана на признании ценностей индивидуальной свободы», которые не могли стать приоритетными в рамках архетипов традиционалистского сознания [3, с. 14].

В последние годы цифровизация общественных отношений стала мощным катализатором эволюции прав человека. Технологический переворот, внедривший цифровые технологии в быт и производство, коренным образом трансформировал общество. Всеобъемлющие тенденции информатизации, интернетизации и компьютеризации затрагивают теперь практически все аспекты жизни, создавая новые вызовы и возможности для правового статуса личности.

А. В. Туликов в своем исследовании отмечал, что в результате цифровизации права человека обретают новую, цифровую среду для своей реализации. Эта порожденная технологиями внешняя среда, в свою очередь, трансформирует интересы и ценностные ориентиры людей, формируя принципиально иные условия их существования [4, с. 11].

Регулирование виртуальной среды как правового объекта происходит на двух уровнях: внутригосударственном и международном. Это приводит к тому, что национальное правотворчество фокусируется на адаптации традиционных правовых институтов: классические права человека и процедуры их защиты получают новое толкование и применяются к реалиям цифрового пространства.

Цифровизация создает новые права человека, которые сразу обретают законодательную форму и публично-правовое значение. Закрепление права на забвение или доступа к интернету расширяет юридические возможности личности. Это свидетельствует о фундаментальном изменении самих представлений о правах человека: их сфера применения растет, а правовое поле пополняется новыми возможностями для действий.

Цифровая трансформация и научно-технологический прогресс выступают ключевыми факторами укрепления государственного суверенитета и экономической конкурентоспособности. Однако их достижение недопустимо за счет ограничения достоинства личности, ущемления возможностей для полной реализации основных прав, свобод и законных интересов граждан.

Новый виток эволюции прав человека диктует необходимость обновления методологии их исследования и соответственно модернизации правовой системы сквозь призму обновленной конституционной доктрины.

Без фундаментального понимания механизмов воздействия цифровизации на права человека любые законодательные преобразования будут неполноценными. В настоящее время в юридической науке сохраняется неясность относительно специфики действия конституционных прав в цифровом пространстве, сопутствующих им угроз, а также действенности существующих инструментов правовой защиты. Ответы на эти вопросы могут быть найдены в рамках исследования глубинных изменений, которые цифровизация вносит в природу и эволюцию прав человека.

Цифровая среда создает принципиально иные возможности для реализации прав и свобод человека. Онлайн-пространство становится дополнительной сферой, где наравне с привычными способами осуществляются конституционные гарантии личности.

В тексте Конституции РФ [5], принятой в 1993 г., в период минимального развития цифровых технологий, вопросы цифровизации, естественно, не получили прямого отражения. Поэтому буквальное толкование ее второй главы не выявляет цифровизацию в качестве объекта регулирования. На сегодняшний день ситуация принципиально иная: цифровая трансформация стала объективным фактором, напрямую воздействующим на правовое положение человека.

Жесткость конституционных норм, защищенная усложненным порядком их пересмотра, не позволяет оперативно менять текст Основного закона. Ответом на вызовы цифровой эпохи становится адаптация правоприменительной практики, которая начинает наполнять неизменные формулировки прав человека новыми, цифровыми способами их реализации.

Происходящие изменения в механизмах реализации конституционных прав носят настолько глубокий характер, что новые, цифровые способы их осуществления во многих сферах активно замещают традиционные, воспринимаемые как архаичные. Это приводит к кардинальному переформатированию самих представлений о процедуре реализации прав.

Традиционные механизмы при этом сохраняют свою силу, функционируя параллельно с инновационными:

- избирательное право обрело на практике два основных способа реализации: очный на избирательном участке и дистанционный с помощью дистанционного электронного голосования (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ). Это расширяет возможности граждан, позволяя им самостоятельно определять форму осуществления своего права;
- право на информацию: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ). Реализация права на информацию де-факто происходит через интернет, что утверждает цифровое пространство в качестве полноценной среды для осуществления прав человека. В массовом сознании право на информацию все чаще ассоциируется исключительно с ее поиском и получением в цифровой среде, тогда как обращение к печатным изданиям становится уделом узких групп;
- право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42 Конституции РФ) обрело новый, доминирующий формат реализации: экологические проблемы и нарушения сегодня в первую очередь становятся достоянием общественности благодаря их мгновенной публикации и обсуждению в сети Интернет;
- право на образование сегодня может реализовываться в том числе в полностью дистанционной форме (ч. 1 ст. 43 Конституции РФ);
- право на распоряжение имуществом (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ), традиционно осуществляемое через наличные расчеты, сегодня реализуется преимущественно через безналичные и цифровые инструменты: онлайн-платежи, банковские карты и бесконтактные технологии.

Таким образом, цифровые технологии не просто дополняют, а трансформируют сложившиеся общественные отношения, формируя доминирующие модели реализации прав, которые постепенно замещают прежние, «аналоговые» способы. Этот процесс свидетельствует о системном изменении правоприменительной практики под влиянием технологического прогресса.

Цифровая трансформация имеет двоякое следствие для системы прав человека: она не только модифицирует механизмы реализации существующих прав, но и генерирует качественно новые — цифровые права. Их появление объективно обусловлено возникновением в виртуальном пространстве

уникальных общественных отношений, требующих собственной публично-правовой регламентации. Суть этого явления точно определил председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, указав, что цифровые права являются законодательной и судебной конкретизацией универсальных прав человека, адаптированной к потребностям личности в информационном обществе [6].

В законодательстве Российской Федерации определение понятия цифровых прав было закреплено в 2019 г. в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [7]. Согласно данной норме цифровые права определяются как обязательственные и иные права, содержание и порядок осуществления которых устанавливаются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Несмотря на это узкое, технико-юридическое определение, сам термин был воспринят и концептуально переосмыслен наукой конституционного права для анализа новых публично-правовых явлений.

Следует различать легальное и научное понимание цифровых прав. Формально в российское законодательство, как отмечает А. В. Нестеров, этот термин был введен в рамках ст. 14.1 ГК РФ с узким, гражданско-правовым значением, определяющим их через правила информационной системы [8].

Однако в конституционно-правовой науке сформировалась устойчивая критика такого подхода. Ученые подчеркивают, что в глобальном контексте цифровые права рассматриваются прежде всего в публично-правовом ключе.

Э. В. Талапина считает, что российский законодательный подход вступает в противоречие с общепринятой в мире трактовкой цифровых прав как публично-правовой категории [9, с. 141]. Н. В. Варламова рассматривает цифровые права как группу прав человека, непосредственно связанных с цифровой средой [10, с. 13].

Таким образом, в публично-правовом значении цифровые права — это закрепленные законом конституционные гарантии, регулирующие положение личности в цифровой сфере вне рамок обязательных отношений.

Среди российских ученых-конституционалистов предметом научной полемики является не только содержание понятия «цифровые права», но и круг правомочий, входящих в эту группу.

К современным цифровым правам И. А. Зайцев относит ряд правомочий, в том числе: защиту приватности в цифровой среде, право на забвение, свободу выражения мнения онлайн и гарантированный доступ в интернет [11].

Позиция Н. В. Варламовой — ядро современных цифровых прав образует три ключевых элемента: доступ в интернет, защита персональных данных и право на забвение.

Соглашаясь с важностью права на доступ и защиты данных, Э. В. Талапина рассматривает право на забвение и вытекающее из него право на «цифровую смерть» как эволюционное развитие цифровых прав личности.

Таким образом, в российском институте конституционного права отсутствует консенсус относительно как состава, так и системы критериев для выделения цифровых прав человека. Основная методологическая проблема заключается в неразработанности основания, по которому конкретные притязания человека в цифровом пространстве могут быть квалифицированы именно как самостоятельные права, а не как модификация традиционных. Ключевым нерешенным вопросом остается четкое разграничение между новыми цифровыми правами, публично-правовыми по природе, и цифровизированными способами реализации классических конституционных прав. Этот концептуальный пробел является главной причиной разнообразия предлагаемых исследователями классификаций.

Таким образом, предлагаем критерий разграничения, основанный на принципиальном различии в содержании двух категорий: конституционных прав человека, реализуемых в цифровой форме, и собственно цифровых прав.

Ключевое отличие цифровых прав заключается в том, что они не приспособляются к сложившимся общественным отношениям, а формируют собственные — уникальные и присущие только цифровому пространству. Обязательная зависимость от цифровых технологий является сущностным признаком цифровых прав. В то же время для конституционных прав, которые лишь обрели новые инструменты реализации, цифровая форма дополняет, но не заменяет собой традиционные способы.

Для наглядности применения указанных критериев рассмотрим соответствующий законодательный пример. Так называемое «право на забвение» раскрывается в ч. 1 ст. 10.3 Федерального закона № 149 [12]. Оператор поисковой системы, осуществляющий рекламную деятельность в сети, обязан прекратить индексацию ссылок на информацию о гражданине по его требованию, если данная информация незаконна, недостоверна, неактуальна или утратила для него значение.

По своей сути право на забвение является сугубо цифровым: оно действует только в отношении поисковых запросов и не имеет материального аналога. Это подтверждает, что оно формирует новые, а не модифицирует старые общественные отношения, возникая между оператором поисковой системы, подавшим требование гражданином и судом.

Хотя право на доступ в интернет, право на цифровую смерть и право на забвение относятся к публично-правовой сфере, в российском законодательстве прямо урегулировано лишь последнее.

В действующем российском наследственном и интеллектуальном праве отсутствуют такие понятия, как «цифровая смерть», «цифровое наследство» или «аккаунт». Согласно ст. 1112 ГК РФ наследственная масса не включает личные неимущественные права и иные нематериальные блага [13]. Следовательно, электронная переписка, аккаунты в социальных сетях, цифровой контент и иные подобные активы, будучи нематериальными благами, не подпадают под регулирование наследственного права. Несмотря на актуальность проблемы и призывы экспертов к созданию соответствующей правовой базы, на данный момент она отсутствует.

Поскольку тотальная фильтрация всего контента в интернете неосуществима, для защиты прав используется точечное воздействие на каналы его распространения. Так, ст. 10.3 Федерального закона № 149 предоставляет возможность требовать от оператора поисковой системы удаления ссылки на сайт, распространяющий информацию, нарушающую права и законные интересы.

На практике применение данной нормы порождает правоприменительные коллизии, требующие конституционно-судебного разрешения для защиты прав человека в развивающемся цифровом пространстве. Конституционный Суд РФ выполняет ключевую функцию в их разрешении и гармонизации интересов.

В частности, в Определении от 26 ноября 2018 г. № 3087-О Конституционный Суд РФ указал, что право на забвение является производным из конституционных прав на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, закрепленных в ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, что закрепило его публично-правовую природу [14].

Этим же определением Конституционный Суд возложил на суды общей юрисдикции обязанность при рассмотрении дел по ст. 10.3 Федерального закона № 149 находить баланс между двумя конституционными ценностями: свободой доступа к информации и правом на защиту личности от ее произвольного распространения. Суд указал, что в удовлетворении требования о забвении может быть отказано, если публичный интерес к информации в конкретном случае признан преобладающим.

Сущность права на цифровую смерть заключается в определении правового режима персональных данных после биологической смерти человека. В перспективе данная проблема может стать значимой, поскольку накопление неуправляемых аккаунтов умерших в социальных сетях создаст серьезные вызовы в сферах защиты приватности и регулирования доступа к посмертной информации.

Для поколения, чья социализация и коммуникация с ранних лет неразрывно связаны с цифровой средой, значимость посмертной судьбы аккаунтов, профилей и иного цифрового присутствия будет лишь возрастать. Однако, переступая порог совершеннолетия, его представители в массе своей еще не задумываются о правовом режиме своего «цифрового наследия». Именно для них в будущем право на цифровую смерть может стать ключевой юридической гарантией. Оно представляет собой формализованную процедуру, по которой уполномоченное лицо (наследник или иной представитель) на основании документов, подтверждающих смерть, может обратиться к администрации интернет-сайтов с требованием об удалении аккаунта умершего или о предоставлении доступа к его данным.

Законодательство РФ сегодня не охватывает сферу цифрового присутствия человека после его смерти, что создает необходимость в ближайшей перспективе принятия соответствующих правовых норм, таких как:

- 1) правовой режим растущего массива неудаленных аккаунтов умерших;

- 2) разграничение наследуемых цифровых активов и неприкосновенных частных данных;
- 3) квалификация аккаунта в качестве объекта наследственного права;
- 4) процедуры передачи прав доступа наследникам;
- 5) определение дальнейшей судьбы профиля (сохранение, архивация или удаление).

Решение этих вопросов лежит преимущественно в плоскости гражданского права, так как цифровые профили зачастую содержат объекты интеллектуальной собственности (ст. 1225 ГК РФ) [15].

Практика показывает, что дальнейшая судьба аккаунтов после смерти пользователя определяется в первую очередь правилами пользовательского соглашения, установленными самими платформами, что отражает механизм саморегулирования в цифровой среде.

Защита персональных данных человека, хотя и не является по своей природе цифровым правом, в условиях цифровизации общества претерпевает значительную трансформацию. Накопление и уязвимость цифровых следов личности в интернете привели к тому, что традиционные механизмы защиты данных наполняются новым, специфическим «сетевым» содержанием и требуют разработки особых правовых средств для противодействия современным угрозам.

Федеральный закон «О персональных данных» [16] действительно регулирует обработку информации в цифровой среде, обеспечивая защиту частной жизни в новых реалиях. Однако сама потребность в охране персональных данных существовала задолго до наступления цифровой эпохи. Поскольку это право по своей природе и происхождению не порождено виртуальным пространством, его корректнее рассматривать не как цифровое, а как классическое право человека, получившее критически важное развитие в условиях цифровизации.

Право на защиту от нежелательной информации, будучи актуальным и для цифровой среды, не является сугубо цифровым, так как отвечает общей потребности в защите от вредного контента. Российское законодательство не формулирует его прямо, ограничиваясь набором отдельных запретов на распространение конкретных видов противоправной информации (экстремистской, оскорбительной и пр.). Эти разрозненные меры не создают целостного правового механизма, позволяющего понять содержание данного права и оценить эффективность государственной политики в этой области.

В настоящее время именно интернет стал необходимым условием для полноценной реализации гарантированного ч. 4 ст. 29 Конституции РФ права «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Поскольку интернет является ключевым инфраструктурным ресурсом современного информационного общества, право на доступ к нему становится фундаментальным условием реализации как цифровых прав, так и реализации конституционных прав, которые обрели цифровую форму.

Правовой режим сети Интернет в России формируется на стыке гражданского и публичного права. Гражданско-правовая сторона касается условий предоставления доступа как услуги и регулируется главой 39 ГК РФ [17]. Публично-правовая сторона, отраженная в ч. 5 ст. 8 Федерального закона № 149 [12], обязывает органы государственной власти обеспечивать открытость информации о своей деятельности через интернет.

Таким образом, констатация доступа к интернету как необходимого условия реализации прав обосновывает его публично-правовую природу в качестве субъективного права и необходимость его конституционно-правового оформления.

Зависимость реализации прав от цифровой среды находит прямое подтверждение в законодательстве. Ярким примером служит Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ, который закрепляет право гражданина на подачу жалобы в призывную комиссию субъекта РФ в электронной форме исключительно через Единый портал государственных и муниципальных услуг. Это свидетельствует о том, что доступ к цифровому сервису становится обязательным условием для осуществления конкретного правомочия [18].

Аналогично гарантированное ст. 33 Конституции РФ право на обращение в государственные органы сегодня реализуется преимущественно через онлайн-каналы. Таким образом, отсутствие доступа к интернету создает для граждан существенные препятствия в полной и свободной реализации их конституционных прав.

Неравенство граждан в доступе к информационно-коммуникационным технологиям порождает проблему цифрового разрыва — явления, имеющего прямое конституционно-правовое значение. Этот феномен представляет собой одну из ключевых социальных проблем цифровой эпохи и отражает разрыв в возможностях использования современных информационных технологий между различными группами населения. В. Е. Мушаков рассматривают цифровое неравенство как современную форму дискриминации, разделяющую общество на тех, кто способен быть полноправным участником цифровых коммуникаций, и тех, кто такой возможности лишен [19].

Цифровой разрыв существует на трех уровнях: доступ к технологиям, умение их использовать и способность извлекать из них социально ценные блага. Возможность получить и использовать доступ составляет суть первого, базового уровня проблемы, что обуславливает публично-правовую значимость гарантированного доступа.

Высокая степень интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в социальные процессы означает, что цифровое исключение влечет за собой системное ограничение прав.

В этой связи в свете принципа равенства прав и свобод человека и гражданина согласно ч. 2 ст. 19 Конституции РФ подлинное конституционно-правовое равноправие в современном обществе может быть обеспечено лишь при условии гарантированного равного доступа граждан к ИКТ.

Таким образом, цифровой разрыв трансформируется из технологической проблемы в правовую, становясь прямым препятствием для реализации фундаментальных конституционных прав.

В конституционно-правовом измерении проблема цифрового разрыва напрямую связана с обеспечением равных прав человека. Ее преодоление становится конституционной задачей, так как если право может быть реализовано через цифровые технологии, неравный доступ к ним порождает правовое неравенство.

Яркий пример — политические права. С внедрением инструментов «электронной демократии» их реализация все чаще требует цифрового доступа. Таким образом, цифровой разрыв лишает часть граждан возможности полноценно использовать такие механизмы, как дистанционное голосование, онлайн-обращения в органы власти или участие в цифровых формах публичной дискуссии.

Ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, гарантирующая равенство прав и свобод, предоставляет правовую основу для государственной политики, направленной на устранение цифрового разрыва. Данной нормой установлено: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Сегодня обеспечение всеобщего и равного доступа к интернету становится прямой обязанностью государства. Закрепление этого права на законодательном уровне — ключевой шаг к устранению цифрового разрыва и созданию условий для реального, а не формального равенства возможностей.

Причинами неравного доступа к интернету выступают экономические, географические и возрастные барьеры. Высокий уровень развития ИКТ характерен для благополучных стран, где граждане могут позволить себе необходимые устройства и услуги, а инфраструктура обеспечивается совместными усилиями государства и бизнеса.

Цифровой разрыв между регионами России в первую очередь связан с отставанием в развитии телекоммуникационной инфраструктуры. Этот контраст особенно заметен между городами и сельской местностью: городские жители имеют преимущество в скорости доступа в интернет и возможности пользоваться ключевыми цифровыми сервисами, включая дистанционное электронное голосование и электронные обращения в государственные органы власти.

Цифровой разрыв между поколениями вызван в первую очередь низкой цифровой грамотностью пожилых людей. Неумение пользоваться технологиями, страх перед киберрисками и непривычность онлайн-среды приводят к недоверию и отказу от цифровых способов реализации своих прав. Возрастной фактор тормозит развитие дистанционного электронного голосования. Основные электорально-активные группы, пожилые люди, голосуют традиционно, а молодежь, хоть и готова к ци-

фровому формату, часто не участвует в выборах. В итоге дистанционное электронное голосование не может получить массового распространения.

Таким образом, для преодоления цифрового разрыва необходим комплексный государственный подход на трех уровнях: экономическом (рост доходов), инфраструктурном (развитие связи) и образовательном (повышение цифровой компетентности). Поскольку эта задача требует времени, государство должно на переходном этапе обеспечивать и поддерживать равнодоступные возможности для осуществления прав человека как в цифровой, так и в «аналоговой» формах.

В итоге можно заключить, что цифровые права человека являются самостоятельным компонентом его публично-правового статуса.

В исследовании предлагается и обосновывается критерий разграничения, основанный на том, что цифровые права формируют уникальные общественные отношения, возможные исключительно в виртуальной среде. В их числе — право на забвение, доступ к интернету и право на цифровую смерть. Появление этой категории прав преобразует саму структуру института прав человека, определяя его дальнейшую эволюцию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамут А. С. Права приобретаются // Право и права человека в условиях глобализации: сборник материалов научной конференции. М.: Институт государства и права РАН, 2006. С. 22–29.
2. Матузов Н. И. Теория и практика прав человека в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 4. С. 22–35.
3. Степин В. С. Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов: сборник трудов конференции. М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 14–31.
4. Туликов А. В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 180 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 20.12.2025).
6. Зорькин В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 20.12.2025).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 20.12.2025).
8. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 11–16.
9. Талапина Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект: монография. М.: Проспект, 2021. 144 с.
10. Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.
11. Зайцев И. А. Права и обязанности физического лица, привлекаемого к административной ответственности, в условиях развития цифровой коммуникации (часть 1 — «Новое поколение прав человека в информационном пространстве (цифровые права)») // Административное право и процесс. 2022. № 12. С. 45–48.
12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 20.12.2025).
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073578> (дата обращения: 20.12.2025).
14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018

№ 3087-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-3087-o/> (дата обращения: 20.12.2025).

15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716> (дата обращения: 20.12.2025).

16. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (дата обращения: 20.12.2025).

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276&rdk=0> (дата обращения: 20.12.2025).

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304140051> (дата обращения: 20.12.2025).

19. Мушаков В. Е. Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1. С. 69–73.